

Эра Водолея

Противостояние мракобесию — академическая миссия и академический долг.

Преамбула

Незадолго до моего отъезда в Коста-Рику в Лондоне проходила весьма странная выставка, которая, собственно говоря, и послужила в известной мере первотолчком к написанию этих заметок. Называлась она тоже весьма странно, выдавая невежество устроителей и антинаучную сущность самой экспозиции: «1001 изобретение ислама». По курьёзной случайности, в двух кварталах от этой выставки проходила — в окружении нескольких десятков полисменов — демонстрация лондонских мусульман. Демонстранты держали плакаты с надписями: «Смерть оскорбителям ислама», «Зарубим насмешников над исламом», «Европа, ты умрёшь: гроза близится» и — по-видимому, без намеренной иронии — «Обезглавим считающих ислам религией насилия». Это очевидное противоречие выдумки, пропагандируемой организаторами выставки, и объективной реальности — «злобы дня» — могло бы вызвать у меня усмешку лет двадцать назад. Но в тот день мне стало не до смеха. Сама постановка вопроса в таком ключе — религия как источник научных открытий и технологических изобретений — отражает характерный штрих очередного рубежа тысячелетий: разочаровавшись в науке, не давшей ответа на фундаментальные вопросы бытия, человечество обратилось к испытанному и куда менее успешному методу — религии. Разочарование в науке, как и очарованность ею, распространённая в 60-е и 70-е гг. XX в., имеет одну и ту же природу: непонимание того, что наука — всего лишь метод Познания, а процессом Познания и целеполаганием для него руководит — человек.

Христианство и Европа

Тема эта настолько необъятна и многогранна, что претендовать на её сколько-нибудь полное освещение одним лицом, как минимум, несерьёзно. Тем более невозможно сделать это в рамках настоящего эссе. Я лишь обозначаю некоторые аспекты феноменологии взаимоотношений этих двух понятий (а Европа — это именно понятие, а не только и даже не столько «часть света»).

Строго говоря, европейскую культуру нельзя называть только христианской, преимущественно христианской, иудео-христианской и т.п. Все эти определения как минимум неполны. Культура Европы возникла на могучем фундаменте эллинизма — науки и философии, политики (процесса распространения полисов — городов как торгово-военно-гражданских образований), органично слившихся с римской традицией права и экспансии, колонизации и цивилизации. Нельзя не учитывать и влияния варварского — галльского, готского, которое впоследствии, облагороженное влиянием впитавшего в себя «Рим и Элладу» христианства, так сильно отпечаталось в многоцветном витраже европейской культуры. Необходимо заметить, что христианство пришло в известной мере на «готовенькое», оно никакой культуры не создавало с нуля. Говоря о процессе становления христианства в Европе, о его роли в сохранении и приумножении культурных сокровищ, давайте не будем забывать о Тёмных Веках, об утраченных в огне фанатической религиозности документах и памятниках, ущерб от потери которых мы сегодня не в состоянии оценить даже приблизительно. Но и о том, что наука в лице основных своих дисциплин — философии, астрономии и алхимии — обрела в эту ужасную эпоху убежище не где-нибудь, а в монастырских стенах, умалчивать бессовестно.

И всё же не станем забывать важного. Начиная где-то с XV в., христианство, ещё чрезвычайно медленно, но последовательно сжимается, создавая пространство для всего остального — искусства, литературы, науки, промышленности, — того, чем, собственно, и является для нас, европейцев, Европа, того, что олицетворяет её. Христианство как таковое трансформировалось в умах европейцев в идею Прогресса — непрерывного поступательного развития общества и личности, сопровождаемого ростом материального благополучия и культуры, расцветом искусств и наук, постепенного обособления человека, превращения из единицы толпы в яркую индивидуальность, имеющую самостоятельную, в том числе и по отношению к обществу, ценность. Здесь мы имеем дело с одним из важнейших идеологических приобретений христианства, лежащего в основе идеи Прогресса — а именно идеи линейности Времени. Для европейца, в отличие от азиата или левантийца, не говоря уже о кафре или зулусе, вообще относящегося ко времени крайне утилитарно, Время — стрела, направленная вперёд и вверх. «Восточное» время совсем не похоже на «европейское» — оно движется по кругу.

Вторая заслуга христианства в формировании европейского Модерна — это идея миротворения, позволившая учёным оправдать — как в собственных глазах, так и для всех остальных — мысль о законах мироздания, которые непременно существуют и лежат в основе всего сущего. Задача хорошего христианина — как можно более полно и точно следовать духу и букве божественного замысла, и наука — инструмент познания и уточнения этого замысла. Так, можно сказать, походя, случайно, мы устраняем мнимое противоречие между

христианством и наукой, противоречие, приводившее к небывалым кровавым схваткам и гибели лучших европейских умов. Собственно, словосочетание «европейский Модерн» суть не что иное, как тавтология, поскольку Модерна иного, не европейского, не существует. Больше того — осмелюсь предположить, что вне европейского дискурса, вне культурного, исторического, этического нарратива Европы Модерн в принципе невозможен.

Иудаизм, из которого христианство заимствовало идею «Стрелы Времени», по целому ряду причин не смог (и не захотел) выделить из себя науку как инструмент познания божьего промысла. Возможно, злую шутку с евреями сыграло невообразимое для европейца богатство устной эзотерической традиции, часто ошибочно (и, уж во всяком случае, совершенно не полностью) соотносимого с пресловутой Каббалой, которая сама является частью этой традиции, причём далеко не самой грандиозной. Отринув и презрев эту традицию, христианство в титаническом усилии утвердить своё «первородство» создало современную науку, а вместе с нею — и основы научного мировоззрения. Иудаизм же в попытках если не приумножить, то хотя бы сохранить упомянутую выше устную традицию, не нашёл в себе сил заниматься ещё и наукой, и потому связи между иудаизмом и наукой много беднее таковых между наукой и христианством. С другой стороны, традиции иудейской школы воспитывают важнейшее для учёного умение — умение думать. Это умение после эмансипации обусловило огромный приток не только и даже не столько гениев-провидцев в науку, сколько именно научных работников, — наука, как известно, любит большие коллективы, как бог, по мнению Наполеона — большие батальоны.

Ислам и Европа

Отношения ислама с Европой никогда не складывались радужно. Единственный исторически значимый опыт взаимодействия европейцев с исламом случился более тысячи лет тому назад — эмират, а затем, халифат Кордовы просуществовал чуть меньше трёх столетий. Но даже относительно, с многочисленными оговорками, благополучный Кордовский анклав — во всяком случае, история умалчивает об антиисламских восстаниях на его территории — воспринимался в контексте европейского исторического нарратива как чуждое, подлежащее удалению образование. Столь же маргинальными выглядят сохранившиеся по сей день мусульманские государства Европы — Албания и Босния. Оба эти анклава (или, точнее, осколка некогда могучей Османской империи) никогда не принимали сколько-нибудь заметного участия в европейском процессе вообще и культурном процессе в частности, находясь на обочине европейской исторической перспективы.

Отношения христианской и постхристианской Европы с бывшей на протяжении многих веков опорой ислама — Великой Портой — также весьма далеки от идиллических. Лишь неимоверными усилиями армиями европейских монархов удалось остановить османскую экспансию в знаменитом, эпохальном и во всех отношениях судьбоносном сражении под Веной. Эта битва, которую без преувеличения можно назвать апофеозом столкновения цивилизаций, положила начало сразу двум взаимно обусловленным процессам: многотрудной, часто непоследовательной и медленной европейской интеграции — и распаду Османской империи, длившемуся без малого триста лет и завершившегося созданием антиклерикального, модернизационно ориентированного турецкого режима Мустафы Кемале-паши (Ататюрка), решительно расправившегося со своими противниками, объединявшимися под зелёным знаменем Пророка, и даже переведшего письменность Турции на латиницу. Этот воистину величайший из рождённых в исламском мире государственных деятелей, роль которого в мировой политике до сих пор не оценена по достоинству (особенно историками Европы), создал уникальный, фантастический прецедент, продемонстрировав принципиальную возможность направления страны с мусульманским населением и соответствующими традициями в русло Модерна и европейской цивилизации. К сожалению, в настоящий момент некоторые силы в Турции пытаются повернуть время вспять, но это несколько иная тема, достойная отдельного рассмотрения.

Вторая Мировая война нанесла Европе тяжелейший демографический урон, и это послужило одной из причин появления в ней значительного количества африканцев и выходцев с Ближнего и Среднего Востока, основная масса которых исповедует ислам в той или иной его форме. Отрыв этой массы молодых мужчин (в основном это именно молодые мужчины, особенно на первом этапе их появления на нашем континенте) от привычной патерналистской, жёстко регламентированной системы социальных связей, с одной стороны, и обретение ими невиданной прежде свободы взаимоотношений индивидуумов друг с другом и с государством, с другой, породили в головах иммигрантов иллюзию вседозволенности и легкодоступности социальных благ. Однако те условия, что эту самую «легкодоступность» и мнимую вседозволенность обеспечивают, а именно — многоступенчатая и сложная система общественных договоров, лежащая в основе европейского общества с его защищённостью, социальными гарантиями, высоким правосознанием и ответственным отношением к долгу и обязанностям гражданина, — навсегда остаются для этих молодых людей «за кадром», за пределами их жизненных установок и практики. Следует заметить, что существующие в Европе институты власти и общества бесильны привить им основы внутриевропейского межличностного и общественного взаимодействия. Это возможно в лучшем случае в отношении их потомков в третьем, а то и в четвёртом поколении. Причина — в сложности и многосторонности этого взаимодействия, в том, что оно воспроизводит себя в процессе воспитания личности, начиная с семьи (христианской, преимущественно христианской и

постхристианской). Эти основы необходимо впитать, что называется, «с молоком матери». Овладевшая умами плохо образованных европейских политиков как левого, так и умеренного правого лагеря идея о том, что быть европейцем можно научить буквально кого угодно на «кратких пулемётных курсах» за год-другой — вредная, подрывная для Европы идея. Долг каждого честного, сознательного европейца, последовательного сторонника европейских ценностей, прогрессиста и настоящего, а не поддельного либерала — разьяснять вредоносность и разрушительность этого модного поветрия, прикрывающегося от критики т.н. «политкорректностью».

Ислам «у себя дома»

К моему глубокому прискорбию, практически все государства, созданные народами, исповедующими ислам или автохтонные культы, относятся к категории т.н. «failed state», неудачных, провалившихся. Даже богатейшие из них, располагающие гигантскими природными ресурсами, не пошли дальше известной схемы предоставления собственным гражданам доли в доходах от продажи этих ресурсов, создав иллюзию благополучия. В историческом смысле это вполне осязаемое в виде дорогих автомобилей иностранного производства, построенных европейскими архитекторами гостиниц, управляемых американскими директорами нефтедобывающих компаний, благополучие — не более, чем иллюзия, поскольку номинальные хозяева упомянутого выше великолепия получили его в готовом виде, не вложив ни собственного труда, ни души. В тот момент, когда по каким-либо причинам, внешним или внутренним, европейские и американские менеджеры уедут, а бесправные индийские, пакистанские, индонезийские рабочие разбегутся, всё «чудо» лопнет, словно мыльный пузырь. Всё, что построено и создано за годы пребывания на нефтегазовой «игле», относится к сфере разнообразных услуг и не может составить опору суверенитета и государственности.

Ничуть не лучше обстоит дело и в прочих «исламских» странах, обладающих наряду с ресурсами многочисленным, в большинстве своём молодым, населением. Система долевого участия в доходах от распродажи ресурсов здесь не налажена, а появившаяся в последние несколько десятилетий промышленность полностью контролируется западным капиталом и западным менеджментом, являясь по отношению к этим странам и населяющим их народам элементом чуждым, внешним, зачастую — враждебным, подлежащим немедленному уничтожению в случае смены правящих режимов. Сами эти режимы балансируют на грани падения, занимаясь вовсе не тем, чем должны заниматься правительства: они поглощены сохранением шаткого баланса между интересами различных племён, кланов и этнических группировок, а не созданием эффективных систем образования, здравоохранения и социального обеспечения.

Причин столь удручающего положения дел много, но главная из них заключается в неравномерности общественно-экономического развития. Сложная совокупность причин обусловила длительное, на протяжении столетий, главенство Запада в науке, промышленности и политике. Все остальные страны и регионы планеты оказались на периферии западного политико-экономического порядка, и не смогли найти вариантов выхода из этого подчинённого, провинциального состояния. (Альтернативный путь выбрала Россия, добившись на нём выдающихся успехов, однако кризис этой альтернативы закончился не катарсисом, а крахом, в результате чего Россия оказалась в той же самой точке геополитической судьбы, в которой пребывала в 1917 г., накануне большевистского переворота.) В общем случае эти страны не создавали свою государственность, а получили её из рук уходящих (по разным причинам) колонизаторов — британцев, французов, бельгийцев, португальцев, русских. Иногда этот уход сопровождался чередой бунтов и повстанческих войн, но безапелляционно утверждать, будто эти действия, часто именуемые «национально-освободительным движением», и есть та самая борьба, в ходе которой родилась их государственность, по меньшей мере наивно.

В результате воздействия всей совокупности негативных факторов и тенденций т.н. страны «исламского пояса» по-прежнему находятся на периферии истории и не находят выхода из этого состояния. Вопрос — почему не находят, сложный, и вряд ли на него существует однозначный, короткий, исчерпывающий ответ. Во всяком случае, лучшие умы человечества пока такой ответ не нашли. Ищут ли они его?

Кто виноват?

Значительное число исследователей настаивают на том, что техническое превосходство «Западного проекта» обусловлено религиозными предпочтениями. Они указывают на действительно существующую корреляцию между господством т.н. «протестантской этики» и экономическим доминированием наций, эту самую этику выработавших и воспроизводящих. Однако ни один из участников обсуждения так и не дал ответа на вопрос, откуда взялась эта «протестантская этика» и почему её экспансия посредством экономических механизмов отнюдь не приводит к желаемому результату для всех остальных, изначально «непротестантских» наций? Кроме того, никто не смог пока доказать, что имеет место именно корреляция, а не что-либо иное.

Прежде, чем попытаться — нет, не ответить, но обозначить возможные пути поиска ответа на этот вопрос — попробуем понять, что такое религия, вера, и какую роль она играет в жизни народов, населяющих нашу

планету.

Верить, не верить?

Существует огромный соблазн удариться в этимологию слова «религия» и объяснить не задумывающимся об этом, что religio в переводе с латыни означает «обратная связь» и указать на вполне очевидный факт отсутствия доказуемой связи обрядовой практики и предполагаемого вмешательства сверхъестественных сил с результатом в виде набора жизненных и цивилизационных благ. В то же время нелишне напомнить, что в «родном языке» всех авраамических религий, древнееврейском, слово «молиться» — «lehitpalel» — означает «судить себя». Нетрудно убедиться, что, являясь возвратным глаголом, этот термин более чем недвусмысленно указывает семантическую направленность действия вовнутрь, а не вовне. Пользуясь всего лишь пресловутой «бритвой Оккама», легко принять в качестве рабочей гипотезы идею, что в изначальном, первоначальном смысле молитва — это рефлексия, осмысление собственных поступков и переоценка личного опыта в свете универсальных моральных императивов, сложившихся задолго до того, как их назвали «десятью заповедями» (воспользуемся этим определением и мы, дабы не углубляться в несусветные дебри). Но дело в том, что ничего трансцендентного в этих принципах нет: все они, будучи разделяемы большинством людей и применяемы с приемлемой частотой повторения, обеспечивают человечеству оптимум существования в рамках планетарного гомеостаза. (О развивающемся декурсе, т.е. аберрации, «отклонении от курса» в виде консюмеризма, его причинах и следствиях, мы поговорим в другой раз.)

Критикуя религиозное мировоззрение, нельзя игнорировать тот факт, что в историческом плане оно, а точнее, его дериват — церковь, религиозная община — выполняла, да и сейчас в известной мере продолжает выполнять общественно-полезную функцию трансценденции и сакрализации морали. Все остальные, когда-то не менее, если не более важные задачи сохранения и систематизации знаний, передачи накопленного опыта (вспомним, например, египетское жречество, регулировавшее жизненно важные для египетского социума моменты, как сроки сельскохозяйственных работ) сегодня выполняются другими институтами — научными, образовательными, государственными. Искусство также давно перестало быть «служанкой веры».

Другой важнейший аспект заключается в том, что любая критика религии и религиозности правомочна лишь с позиций научного мировоззрения. Невозможно критиковать только чужие религиозные воззрения, оставляя вне критики собственные. Сама семантическая конструкция «моя вера истинна, а твоя — ложна» неправомочна и алогична. Естественно, любой последовательный адепт любой из религиозных систем использует именно такой подход в критике, что делает его позицию априорно уязвимой и недоказуемой. Критика религий возможна лишь с высоты позитивизма, одинаково критично воспринимающего как «свою», так и «чужую» религию. Разумеется, оставаясь даже умеренным адептом той или иной религии, критиковать религиозное мировоззрение немислимо. Именно поэтому столь смехотворно выглядят претензии к исламу со стороны христианства: «врачу, исцелися сам!» Один только факт признания вероятности сосуществования с иной системой религиозного мировоззрения уже сам по себе является источником перманентного состояния когнитивного диссонанса: верующий одним образом способен мириться с ненулевым количеством верующих иначе лишь до той поры, пока не может по объективным причинам устранить это противоречие. В этом заключается суть «религиозного инстинкта», лежащая в основе прозелитизма и религиозных войн, и тот верующий, который примется возмущённо отрицать необходимость того и другого, может быть легко уличён в неискренности, а то и в лжесвидетельстве. Прозелитизм может быть «мирным» или «воинствующим», но никакой верующий не в состоянии отрицать его как принцип. (Прозелитизм может быть инкорпорирующим, как в позднем греко-римском политеизме и митраизме, или рекреационно-адаптирующим, как в иудаизме, но суть явления остаётся прежним.)

К сожалению, все эти разглагольствования не дают ответа на один животрепещущий вопрос: откуда же берётся, из чего произрастает это самое религиозное мировоззрение? Не является ли его широчайшее, повсеместное распространение неопровержимым свидетельством бытия всемогущего бога или каких-то других сверхъестественных сил? К счастью, ответ на этот вопрос, стоивший многих бессонных ночей основоположникам Просвещения, найден современной наукой. Вот как формулирует это мой давний коллега и друг, широко известный учёный и популяризатор науки Ричард Докинз:

«Дарвиновский естественный отбор формирует детский мозг с тенденцией верить старшим, со способностью имитации и копирования и, следовательно, косвенно со способностью к распространению слухов, легенд, к религиозной вере. Но, создав такой мозг, генетический отбор порождает некоторый новый вид негенетической наследственности, которая может служить базой нового вида эпидемиологии и, возможно, даже нового негенетического дарвиновского естественного отбора. Я полагаю, что религия относится к группе явлений, объясняемых этим видом негенетической эпидемиологии с возможной примесью такого негенетического дарвиновского отбора. И если это так, религия не имеет никакой ценности для выживания человеческих особей и не даёт никаких преимуществ для их генов. Если и есть от неё какая-то польза, то только для неё самой».

Эта гипотеза, служащая основой для позитивистской теории возникновения и развития религиозного мировоззрения, привести которую здесь целиком не представляется возможным, подтверждена целым рядом научных экспериментов, задокументированных в том числе и Р. Докинзом, а также другими специалистами. Один из таких экспериментов детально описан [здесь](#).

Судя по ряду признаков, другая важнейшая составляющая религиозного мировоззрения — ритуал — ещё древнее «мистических» переживаний. Собственно, феномен ритуала давно изучен социологами и этологами, и я не собираюсь повторять многократно пройденные до меня «этапы большого пути». Для нас будет важно вспомнить, что ритуал в подавляющем большинстве случаев возникает из жизненной коллизии, явившей некогда ожидаемый или превосходящий ожидания результат. Коллизия параметризуется и возводится в ранг ритуала, повторяемого всякий раз в надежде получить однажды достигнутый результат, причём в параметры включаются не только целесообразные, но и явно нецелесообразные действия. Здесь люди наступают на хорошо знакомые владеющим логикой «грабли»: после этого — не обязательно вследствие этого. «Грабли»-то знакомые, но это ничуть не мешает людям снова и снова на них наступать.

Этот процесс был всесторонне исследован уже в новейшее время на примере такого явления, как «карго-культы». Не откажу себе в удовольствии ещё раз напомнить читателю, что же они из себя представляют.

«Карго-культы» возникли во время Второй Мировой войны на островах Океании и Полинезии. Местное население наблюдало необъяснимые в рамках господствовавшего среди них мировоззрения события: высадку американских войсковых десантов, сложные логистические операции снабжения войск грузами («карго»), обеспечивающими проведение боевых действий, деятельность американцев, никак (в их представлении) не связанную с производством материальных благ. Часть этих благ — одежда, консервы, простые орудия (топоры, ножи и т.д.) — перепала также «изумлённым аборигенам» в виде «гуманитарной помощи». Качество и количество предметов и продуктов было таким, что разум полинезийцев оказался банально не в состоянии вместить возможность их земного, «посюстороннего» происхождения. Бедным дикарям пришлось придумать «теорию», согласно которой их давно умершие предки послали им все эти богатства, а «белые люди» присвоили их себе. Присвоение стало возможным (внимание!) благодаря тому, что «белые» владеют особой, ужасной магией, и для того, чтобы вернуть себе «дары» предков, необходимо внимательно изучить и тщательно повторять все магические действия, выполняемые «белыми». В результате большинство полинезийцев полностью отказались от своих прежних верований и с энтузиазмом — на протяжении десятилетий — строили «самолёты» и «взлётные полосы» из бамбука, сажали на соломенные «вышки» отважных «диспетчеров» в «наушниках» из ореховой скорлупы, маршировали с деревянными «винтовками», — словом, организовали для этологов, психологов и социологов настоящий праздник. Смех — смехом, но «магия» принесла свои плоды: специалисты, прибывшие для изучения карго-культур, привезли с собой в том числе и вождьеленный «карго».

Для наблюдателя, сколько-нибудь скептически настроенного и знакомого с упомянутым выше явлением, делается вполне очевидным родство современных религий, имеющих развитую литургию, именно с карго-культами. Все остальные конфессии вообще являются дериватами этих дериватов, что в моих глазах лишает их какой-либо мировоззренческой ценности: человеку отпущено не так уж много времени на Познание, и отвлекаться от процесса ради поиска нескольких жемчужин «Древней Истины» в гигантской куче человеческих заблуждений и преступлений, возможно, найдётся тьма охотников, — я не из их числа.

Есть ещё один аспект религиозного мировоззрения, вызывающий у меня резкое неприятие. Последовательные приверженцы любых религий не являются в полной мере взрослыми и ответственными людьми. Они, словно дети, не в состоянии вместить неопределённости — состояния, привычного для любого взрослого и разумного существа. Они нуждаются в немедленном и непременно целостном объяснении, во «Всеобщей Абсолютно Истинной Теории Всего». Представитель «интеллектуального большинства» (политкорректный эквивалент того, кого следует называть, как и положено, инфантильным глупцом) не способен пережить не только состояние «не знаю», — даже «пока не знаю» для него непереносимо. Естественно, на место «не знаю» подставляется универсально-недоказуемое «так велел (устроил, создал) Господь!!!». Так глупец «решает» проблему Познания. К сожалению, кроме инфантильных глупцов, в мире полно негодяев, которые не только не задают вопросов «почему?» ни самим себе, ни окружающим, но и набрасываются с палками и пластилом на тех, кто осмелится предположить, что такой вопрос вообще можно задать. Увы, подавляющее большинство этих малоприятных господ являются приверженцами т.н. «религии», известной как «ислам».

Ислам — вне критики?

Апологеты и защитники ислама из «левого лагеря» очень любят пускать пыль в глаза перечислением достижений ислама как цивилизации. В ход идёт «большой джентльменский набор» трюизмов, на котором следует остановиться чуть подробнее. Именно на незнании обыкновенными «добрыми людьми» этих

триумфов и строятся замыслы устроителей выставок, подобных упомянутой в преамбуле к моему эссе.

Итак, «арабские» цифры. Достаточно обратиться к академическим источникам, как на нас обрушивается «невероятное открытие»: оказывается, цифры эти никакие не арабские, а вовсе даже индийские. Утверждение, будто цифры — «арабские», является типичной исламской (и левацкой) ложью.

Алгебра и десятичная система счисления. Сам автор этого выдающегося труда Аль-Хорезми неоднократно указывал на то, что его работы основаны на индийских источниках, в частности, сочинениях Брахмагупты. Есть многочисленные свидетельства того, что аль-Хорезми вовсе не был «правоверным». Об отношении мудрых, дальновидных и неописуемо толерантных арабских завоевателей, под защитой которых науки и искусства достигли небывалого расцвета, говорит следующая цитата: «Первые набег арабов на Хорезм относятся еще к VII в. В 712 году происходит завоевание Хорезма арабским полководцем Кутейбой ибн-Муслимом, учинившим жестокую расправу над хорезмийской аристократией. Особенно жестокие репрессии Кутейба обрушил на учёных Хорезма. Как пишет в «Хрониках минувших поколений» ал-Бируни, «и всеми способами рассеял и уничтожил Кутейба всех, кто знал письменность хорезмийцев, кто хранил их предания, всех учёных, что были среди них, так что покрылось всё это мраком и нет истинных знаний о том, что было известно из их истории во время пришествия к ним ислама». Поздравляем, граждане мусульмане и леваки: опять соврали.

Личная гигиена, баня и т.п. Погонщики верблюдов из пустыни, где умываться можно только песком, а подтираться камнями, где за немногочисленные колодцы воевали поколениями, научили мыться, бриться и стричься ромеи — византийцы. Надеюсь, никому не придёт в голову утверждать, что свои знаменитые термы римляне начали строить, вдохновлённые примером «великих» исламских «культуртрегеров» за полтысячелетия (и это как минимум) до появления последних на свет?! Три — ноль, глубоко неуважаемые господа.

Бюллетень «Всемирное исламское обозрение», финансируемый Саудовской Аравией, демонстрирует нам истинное отношение ислама к науке:

«Вся деятельность знаменитых средневековых мусульманских мыслителей, таких как Аль-Кинди, Аль-Фараби, Ибн-аль-Хайтам и Ибн Сина, свидетельствует о том, что, хотя все они и считались мусульманами, ни в них самих, ни в их научных достижениях не было абсолютно ничего исламского. Напротив, вся их жизнь носила чётко выраженную антиисламскую направленность, а их достижения в медицине, химии, математике и философии стали естественным, логическим продолжением древнегреческой, т.е. языческой, научной мысли». (Цитируется по книге П. Худбхоя (P. Hoodbhoy) «Ислам и наука: религиозная ортодоксия и битва за рационализм», стр. 113 (изд-во Zed Books, Лондон, 1991.)

Признаться, у меня вовсе пропало желание продолжать: любопытствующие могут это сделать сами, ведь мою цель вовсе не составляет скрупулёзное перечисление всех достижений Homo sapiens sapiens, в которых ислам и мусульмане не принимали да и не могли принять никакого участия. Здесь расположен [краткий перечень важнейших изобретений человечества](#), (не считая XX в., изобретения которого с лихвой перекрыли этот список на несколько порядков) и среди имён изобретателей нет не только никакого по имени «Религия Ислам», но даже и собственно приверженцев этой религии. Сегодняшний исламский Восток представляет собой в смысле достижений науки, культуры, изобразительного искусства, киноиндустрии и промышленности в лучшем случае эпигонство давно достигнутого Западом, а в худшем — обыкновенную пустыню. За 1400 лет своей истории ислам «прославился» исключительно завоеваниями и жестокостью в подавлении сопротивления покорённых народов, а также в присвоении и эксплуатации плодов их развитых культур. Завоёванные начинают именоваться «арабами» или как минимум «мусульманами», а их достижения — достижениями ислама. Так в тени Тадж-Махала или Персеполиса начинаются разговоры об «исламской архитектуре», для любого археолога звучащие, как личное оскорбление. О культуре самого ислама можно говорить лишь как о культуре биологической: сам факт экспансии не является культурным феноменом ни в самой малейшей степени и не может свидетельствовать о культурном превосходстве. Огонь тоже распространяется бесконтрольно и очень быстро, если не принимать неотложных мер по его тушению. Странно, что политкорректным хлестаковым ещё не пришла в голову идея обозвать лесной пожар «культурной экспансией высокоэффективной окислительной реакции».

Я не стану оправдываться и заверять почтенную публику в том, что «я не расист». Разумеется, я не расист, я по профессии — учёный-антрополог, и всего-навсего анализирую историческую ретроспективу. И что же я вижу? В то время, как великий флот Мехмета-Завоевателя под водительством славного Хайредина Барбароссы толкался в средиземноморской луже, снаряжённые на медные деньги судёнышки Кристофа Колона пересекли Атлантику. (А за 600 лет до него Америку прошли вдоль и поперёк ватаги викингов Эйрика Рыжего.) Пока вельможи Блистательной Порты посылали друг другу шёлковые шнуры и нежились в объятиях обитательниц своих гаремов, унылые голландцы и надменные бритты освоили полмира своими факториями и

торговыми экспедициями. (При этом, смею вас заверить, они тоже ничуть не походили на монахов.) Торжество «религии мира и добра» обернулось цивилизационной катастрофой: исламизированные народы остановились в развитии на уровне XV века.

Ислам ничего не требует от человека, кроме подчинения. Главное — смирение и показное возмущение «нескромностью», например, рекламным плакатом с девушкой в бикини. Думаете, им неприятно смотреть на девушек в бикини? Ошибаетесь. Подчинись — и получишь всё, что хочешь. Хочешь «жениться» на девятилетней девочке? Пожалуйста. Хочешь наслаждаться строго-настрога запрещённым вином? Попроси, чтобы тебе «выписали» его в качестве «лекарства». Надоела тебе жена? Скажи три раза «талак» — и ты свободен! Желаете развлечься с «девушкой свободных взглядов»? Заключи временный брак (мутах) — и веселись, тебе никто слова не скажет. А вот что пишет светоч исламского богословия, сам аятолла Рухолла Хомейни: «Для получения полового удовлетворения мужчина может использовать ребёнка женского пола, в том числе и грудного. Однако он не должен лишать ребёнка девственности, допустима только содомия. Если он лишит ребёнка девственности и при этом повредит детский организм, тогда на него ляжет ответственность за пожизненное содержание девочки, которая, однако, не может считаться одной из четверых его жён. Он также не вправе и жениться на её сестрах». (Из книги аятоллы Хомейни «Tahrirolvasyleh», том 4-й, издательство Darol Elm, Gom, Иран, 1990 г.). Сами мусульмане комментируют этот текст по-разному: одни заводят уже набившую оскомину шарманку — дескать, шииты не мусульмане (а кто?!), другие заявляют, будто проклятые гяуры подделали оригинальный текст, в котором ничего такого не сказано. Однако апологетов ислама столько раз ловили на вранье и подтасовках, что доверять их пламенным заверениям нет равным счётом никаких оснований. В любом случае, мы имеем бесчисленное количество свидетельств о том, как девочки, которым нет и десяти лет, погибают от разрывов половых органов, причиняемых «мужьями», поэтому к словам иранского «авторитета» следует отнестись со всей серьёзностью. В Европе и США педофилов отлавливают и изолируют от общества — при том, что 99% этих ужасных преступников онанируют на картинки и в жизни не притронулись ни к одному ребёнку. А вот в странах с преобладающим исламским населением убить ребёнка членом — норма жизни. Боюсь, продолжение этой «пикантной» темы вызовет у читателя тошноту.

Если мы отвлечёмся от такой сложной области для исследований, как нравственность, и обратим наш взор к более осязаемым — цифрам, к экономике и статистике, то и здесь мы не сможем обнаружить ничего утешительного. Совокупный валовой внутренний продукт (ВВП) арабских государств (в 2004 году \$600.3 млрд.) меньше ВВП Испании (\$955.5 млрд.). Совокупный объём экспорта арабских государств меньше, чем объём экспорта Финляндии. Лишь 2.8% экспорта арабских государств составляют продукты высоких технологий. Доля ВВП на душу населения ныне составляет примерно \$2 тыс. (в той же Испании - \$22.4 тыс.) — по этому показателю арабские страны опережают лишь государства тропической Африки. Каждый пятый араб живёт на сумму менее \$2 в день (официальный общемировой уровень бедности). Показательно, что на сайте Лиги Арабских Государств помещён впечатляющий перечень достижений арабских учёных. Перечень совершенных ими открытий, повлиявших на развитие мировой цивилизации, ограничивается... XIII веком. Объёмы затрат арабских стран на научные исследования составляют 0,4% их совокупного ВВП. Для Кубы этот показатель равен 1,26% ВВП, для Японии — 2,9% ВВП. На 1 млн. жителей арабских государств приходится 370 учёных и инженеров, для остального мира этот показатель составляет 979 на 1 млн. человек.

По данным ЮНЕСКО\UNESCO, примерно 58 млн. взрослых арабов неграмотны (читать и писать не умеют 27% всех мужчин и 49% женщин). Среднестатистический араб учится 3,4 года (меньше — только в тропической Африке). В Саудовской Аравии более 25% всех выпускников университетов получают дипломы о религиозном образовании.

На 1 тыс. жителей арабских государств приходится 53 газеты, на 1 тыс. жителей индустриально развитых стран — 285 газет. При этом подавляющее большинство арабских средств массовой информации существуют в условиях жесточайшей цензуры.

Арабы составляют более 5% мирового населения, однако на их долю приходится лишь 1.1% книг, издаваемых в масштабах планеты. 17% издаваемых на арабском языке книг - это религиозная литература (5% в масштабах всего мира). Даже наиболее популярные книги имеют мизерные тиражи — объёмы продаж бестселлеров редко превышают 5 тыс. экземпляров (в арабских государствах ныне проживает 294 млн. человек).

Жители арабских государств не имеют достойного представления об иных культурах. Ежегодно на 1 млн. жителей арабских стран приходится 4.4 книги иностранных авторов, переведённых на арабский. Для сравнения, на 1 млн. испанцев приходится почти 920 иностранных книг, переведённых в их стране на испанский.

По данным ООН, собранным в докладе «Гуманитарное Развитие Арабского Мира» (Arab Human Development Report), в 2003 г. на 1 тыс. жителей арабских государств приходилось 26 компьютеров — в среднем, в мире 1

тыс. человек пользовались 98-ю компьютерами. Лишь 1.6% населения арабских государств имеет доступ в Интернет. Телефонных линий в арабских государствах в пять раз меньше, чем в индустриально развитых.

Прошу прощения у моих читателей за этот поток цифр и сухих фактов, но без них невозможно проиллюстрировать пропасть между Западом и антропологической катастрофой, охватившей шесть седьмых планеты Земля.

Я берусь за 5 минут доказать, что коран и возникший на его основе ислам — не религия, а идеология. Как антрополог, берусь утверждать — любая развитая идеологическая система, претендующая на статус религии, непременно апеллирует к чудесам, совершённым основателями в присутствии многочисленных свидетелей. А что же мы видим в исламе? Некий купец удалялся в пустыню. Возвращаясь оттуда, он сел перед маленькой группкой близких родственников и декламировал им свои стихи, уверяя, что слышал их от архангела, которого послал сам аллах (лунное божество — «откровение» происходило по ночам).

В этот момент я начинаю терять терпение. Только племя маленьких огнеедов, поклонявшихся куску метеорита и закапывавших в песок «лишних» девочек, могло поверить в подобную чепуху. Сам текст корана представляет собой вольный пересказ отдельных кусков Ветхого и Нового заветов, никак не связанных между собой, напыщенных нравоучений и мелочных инструкций, какой рукой что где вытирать, куда складывать камни, покрытые экскрементами и как правильно лупить жену — со всей силы или не со всей, кулаком или палкой. Хадисы, в свою очередь — это набор совершенно никак не связанных между собой историй, сказок в стилистике «1001 ночи», переполненных сказочными же архетипами. Современный, даже «в меру» образованный, человек, которого с детства научили личной гигиене и правилам поведения в обществе, читать эти басни без иронической улыбки (как минимум) не способен.

Когда исламским идеологам начинают предьявлять бесчисленные факты издевательств над женщинами, мужчинами и детьми, свидетельства педофилии и всяческих изуверств, вытворяемых последователями «религии мира и добра», поднимается страшный вой: это не ислам! В коране ничего подобного нет! Но, в таком случае, позвольте спросить: почему последователи христианства всё же перестали сажать людей на кол и отрезать им носы (к слову, не так уж давно), а мусульмане продолжают это делать, яростно сопротивляясь попыткам их образумить? В отличие от христиан, достигших всего «своим умом», у мусульман перед глазами масса примеров гуманизма и уважения к личности! Почему личностный и нравственный рост в преимущественно христианских странах на протяжении их истории — реальность, а в исламских за 14 веков ничего не изменилось? С сожалением приходится констатировать: претензии ислама на нравственное превосходство несостоятельны — ислам не борется с дикостью, а поощряет её, сакрализуя незыблемость традиции как таковой независимо от её смысла. Например, система наказаний в исламском праве отличается особой жестокостью и стремится запугать, а не исправить того, кто преступил закон. Шариат запрещает «неверному» свидетельствовать в суде против мусульманина. Это означает, что религиозные суды и, следовательно, религия мусульман заинтересованы не в правде, а только в подавлении немусульман. Эту повсеместно в исламском мире насаждаемую и бесконечно воспроизводимую «культуру» писатель и мыслитель Д. Чернов называет «культурой изнасилования»:

«Изнасилование (понимаемое не в узком смысле, как исключительно сексуальное насилие, а в широкой, метафорической трактовке этого понятия) есть прежде всего стремление подчинить другого, сломать его волю. Непременным атрибутом изнасилования является причинение жертве моральных и физических страданий, осознание ею своего бессилия перед мучителем, стремление последнего добиться от жертвы покорности и смирения. Эти черты являются самоцелью — даже если в конечном итоге жертву лишают жизни, перед смертью она обязана пройти через муки ритуального унижения, в которых, казалось бы, нет никакого практического смысла».

Позволю себе обширнейшую — да простят меня читатели — цитату из Бьюкенена:

«Покажите мне человека, который искренне верил бы в равноправие культур и цивилизаций. Разве последователи пророка Мухаммеда считают христианство равноправной с исламом религией? Разве североамериканские миссионеры, стремившиеся донести Христову веру до ирокезов, верили, что индейские религии достойны встать вровень с христианством? Разве верили в равноправие цивилизаций Кортес и Писарро, покорявшие ацтеков и инков? Разве все культуры создали равно великие образцы поэзии, прозы, живописи, скульптуры, музыки и архитектуры? Неужели кто-то и вправду верит в это — или это не более чем досужие разговоры в Метрополитен-музее и Музее современного искусства?»

Равноправны ли нации и государства? Если да, почему же беженцы со всего мира стекаются на Запад? Равноправны ли люди? Да, в Америке равноправие гарантировано законом. Но представление о собственном достоинстве каждого человека и о равноправии людей возникло не в Китае, не в Японии, не в Африке и не в Аравии. Оно родилось на Западе. Постыдно ли рабство и рабовладение? Безусловно; но какая религия первой

заговорила об этом и какая нация первой приступила к искоренению рабства? Христианство — и англичане.

Согласно Первой поправке, люди имеют право на свободу вероисповедания, однако в высшей степени нелепо делать отсюда вывод, что все веры и религии равноправны. И цивилизации тоже не равноправны. Запад подарил миру лучшее из того, что было когда-либо сформулировано и придумано. Западная цивилизация и западная культура превосходят все остальные. Демократия одного голоса не является ненарушимым принципом; это утилитарная идея. В мировом масштабе она не сработает. Американцы составляют 4 процента мирового населения и обладают 30 процентами мировой экономической и военной мощи; им попросту не пристало рассуждать о равноправии наций и государств — как, впрочем, не пристало и поступаться хотя бы толикой суверенитета в пользу очередной Вавилонской башни на Тёртл-бэй.

Мировое правительство, в котором все государства и народы будут иметь равное право определять судьбу человечества, — абсурд. Самолётом управляет пилот, а не пассажиры, а родители не дают младенцам права голоса при обсуждении семейных проблем. Я призываю не к высокомерному поглядыванию на остальных, но к самоуважению и твёрдости тех, кто наделён полномочиями принимать соответствующие решения.

Может быть, ислам — религия любви? Но и это не так, потому что ислам — единственная религия в мире, чьи последователи ради поддержания семейной чести убивают членов собственной семьи, иногда — собственных детей. Это также единственная в мире религия, которая не обещает верующим объединения с членами семьи в следующей жизни. Вместо этого, праведным мусульманским мужчинам обещан бесплатный бордель до скончания времён. Что ожидает мёртвых мусульманских праведниц, нигде не говорится, однако известно, что им выделен участок неба, в который мёртвым праведникам мужского пола доступ закрыт. Казалось бы, любящий муж предпочёл бы провести вечность в обществе любимой жены, а не вести себя, как кролик, страдающий приапизмом. Мусульманские мужья, в отличие от всех остальных, предпочитают вариант кролика.

Может быть, ислам — религия высоких моральных норм? И это тоже не так. Даже если Вы попытаетесь объяснить чудовищную коррупцию, царящую в каждой, без единого исключения, мусульманской стране, извращениями подлинной веры, Вы знаете, что вино, секс и прочие земные улады, запрещённые мусульманам в этой жизни, обещаны им в избытке в следующей. Но если что-то является неприемлемым злом на грешной земле, оно должно быть ещё менее приемлемо в безупречной чистоте райских кущ. Следовательно, причиной запрета на определённые действия является не зло, заключённое в этих действиях, а что-то другое. Что же? Вот что думаю я. Самый нормальный человек взбесится, если ему навсегда закрыть доступ к обыденным радостям жизни. А, взбесившись, он перестанет быть нормальным человеком и превращается в «мученика»-самоубийцу. Именно такие последователи и были нужны Магомету».

Я согласен с моим коллегой Гуннаром Хайнзоном, давно и плодотворно исследующим тему т. н. «злонамеренного приоритета молодёжи» — в том, что первопричина проблем традиционалистских обществ, к которым в полной мере может быть отнесён, пусть и с известными оговорками, весь исламский мир, кроется не в идеологии. Идеология призвана объяснять и обслуживать вполне материальные, естественно-исторические процессы; идеология безусловно вторична по отношению к ним. Однако там, где Хайнзон переходит к оправданию ислама, настаивая на том, что любая другая идеология, любая иная религиозная надстройка над демографическим базисом, выполняла бы ту же самую сверхзадачу, наши точки зрения становятся диаметрально противоположными. В Европе конца XIX — начала XX вв., переживавшей подобную проблематику — очень высокая доля молодёжи при недостаточно развитой инфраструктуре — использовать христианство для завоевания пресловутого «лебенсраума» не получилось: и Гитлеру, и Муссолини пришлось на ходу сочинять нечто, могущее обслужить эту задачу. Совсем иначе обстоит дело с исламом: последний как нельзя лучше подходит в качестве экспансионистской апологетической идеологии, поскольку именно с этой целью создавался и шлифовался, причём буквально с первых дней своего «появления на свет». И сегодня он весьма «плодотворно» используется элитами исламских обществ, манифестируя «право» мусульман завоёвывать новые территории, институционализируя неизбежное при этом насилие и фиксируя традиционалистские основы общественного устройства. Исламские элиты, не сумевшие преобразовать общество в интегрирующую, гибкую, современную структуру, ориентированную на всеобщее качественное развитие, ищут и находят в идеологии политического ислама, в имманентно свойственной ему апологии насилия, действенный инструмент канализации личной и общественной энергии подвластных им человеческих коллективов. В рамках идеологической экспансии политический ислам небезуспешно формирует в стане врага, каковым является для него Запад, специфический нарратив, представляющий его одновременно жертвой онтологического «западного расизма» и в то же время равноправным субъектом мирового процесса, претендуя на роль доктрины, защищающей некие «права народов» от «колонизаторов», требуя себе на этом «основании» преференций и даже добиваясь их. Именно поэтому разоблачение политического ислама как мощного и действенного инструментария в борьбе за продление господства и реванш исторически обанкротившегося традиционализма, с его ненавистью к свободе выражения мнений, эмансипации, принципу распределения

общественного продукта на основе личных достижений — всего того, что мы на Западе называем «свобода и демократия», того, что, собственно, делает Запад — Западом, противопоставляя его Востоку — обретает такую важность и значимость для всего человечества.

Возвращаясь к теме странной выставки, хочу обратить внимание читателей на ещё один сугубо научный факт: «средневековые» арабы — детище XIX века. Думаю, многие публицисты и критики ислама, не будучи членами учёного сообщества, давно это подозревали, и даже писали неоднократно об этом. Не могли же, в самом деле, высокоучёные средневековые арабы выродиться к XIX веку в дикий и малообразованный народ?!

Так, например, об Омаре Хайяме в конце XIX века арабы впервые узнали... от европейцев!

Сейчас выясняется, что и Авиценна (на арабском) до XIX века был, на самом деле, неизвестен. И это тоже понятно: у него описан сахарный диабет, открытый в только XVIII веке. Лишь в XVIII веке узнали, что у больных диабетом сахар выводится вместе с мочой. Но у Авиценны в XI веке об этом написано прямым текстом. Академик Вернадский объяснил, как такое могло получиться — арабские рукописи исторически стали известны лишь к концу XIX в.! Иначе невозможно объяснить тот факт, что европейцы на протяжении XIV — XVIII вв. продолжали открывать то, что, оказывается, у арабов «давно» было «открыто». (В.И.Вернадский. Очерки по истории современного научного мировоззрения.)

Как ни странно, объяснение этого «изобретения арабов» лежит далеко от области науки — в области политики. Великобритания, добивавшаяся господства на коммуникациях в регионе Ближнего и Среднего Востока с целью обезопасить своё господство в Индии, нуждалась в союзниках, чьими руками она могла бы удерживать в состоянии политического хаоса Ближнюю Порту, тогда — могучую европейскую (!) державу. Именно с этой целью были изобретены и арабы, и политический ислам, и Лоуренс Аравийский. Как видим, даже самих себя мусульмане не в состоянии изобрести: это пришлось делать по-настоящему великой нации, давшей миру бесчисленное множество действительно важных и полезных изобретений. К сожалению, это её изобретение оказалось невероятно опасным.

Одно из лежащих на поверхности объяснений прискорбному положению дел в мире ислама заключается в том, что для толкования корана, сунны, хадисов и пр. можно пользоваться только кораном. Никакое внешнее по отношению к корану знание использовать нельзя. Добавьте сюда отсутствие рефлексии, инфантилизм и тотальную некритичность в отношении общинных и религиозных авторитетов, низкий уровень интеллектуальной культуры в результате предельно ограниченного доступа к мировому философскому и литературному наследию. В качестве отдалённого штриха к портрету «воина пророка» следует указать отсутствие чувства юмора, столь характерного для интеллектуального европейского типа. Типичный образец «смешного» выглядит примерно так:

Мужчина в брачную ночь моется в ванной, его ударяет током, и когда невеста это видит, то выбрасывается из окна и погибает, а мужчина сходит с ума. И вот его, бедного сумасшедшего, родственники хотят женить ещё раз, чтобы вылечить (от сумасшествия, надо понимать). В качестве невесты жадные родственники подсовывают ему двоюродного брата, переодетого женщиной, и (потом, вероятно) тётку-китайку. Несчастный женится сразу на об(е, о)их, излечивается от сумасшествия и уходит из дома, потому что понимает — его обманули. Всем нужны только его деньги. Он отправляется на кладбище, на могилу любимого дедушки. Дедушка восстаёт из могилы, и бедняга повторно сходит с ума. Видимо, так смешнее!

(Заметим, что даже за такой юмор в талибанском Афганистане полагалась немилосердная публичная порка.)

Нельзя сказать, что такое положение дел не беспокоит взрослых и ответственных людей «по ту сторону» границы «Восток-Запад». Они объясняют это «витиеватостью» восточного менталитета и отношением к слову, которое во всех восточных культурах, не только исламской (за исключением разве что японской), отличается вниманием не к сути сказанного, а к форме, к орнаменту. Очевидно, такое отношение не особенно располагает к применению логики. Однако откуда же, наконец, всё это берётся? Почему на Западе — христианство, рассудочность, рациональность, интеллектуальная мощь, инновации, ракеты и атомная энергетика, а на (исламском) Востоке — ислам и ничего больше?

О преобладающем на Востоке (прежде всего, мусульманском Востоке) «женском» типе мышления говорят многочисленные непредвзятые (что особенно важно), наблюдатели. Почему такая манера постижения взаимосвязей реальности называется «женской»? Причина в том, что на Востоке для построения картины мироздания широко используется не аналитический, а сенсорный аппарат. Я не имею намерения излагать здесь основы медитативной созерцательной практики, тем более — выяснять, по какой причине именно она, а не аналитическая методика (с последующим синтезом) взяли верх. Во всяком случае, невозможно назвать ни одной, ни даже нескольких важных или основополагающих причин — это слишком сложное, системное явление, и может быть рассматриваемо лишь в комплексе, сложной совокупности находящихся в непрерывном

взаимодействии факторов и механизмов, включая такие недостаточно изученные, как климатический и географический детерминизм или режим питания, а также антропологические параметры, само изучение которых вступает в противоречие с господствующей в академическом мире тенденцией «да и нет не говорить, чёрное и белое не называть» — политкорректностью. Сегодня мы можем, впрочем, наблюдать результат, и результат этот неутешителен: кинестетический подход, чувственный аппарат без подключения аналитического, системного мышления формирует непротиворечивую картину мира лишь при введении в неё трансцендентных сущностей, что противоречит не только академическим принципам, но и пресловутому — вполне жизненному — принципу Оккама. При изучении этой методики всякий исследователь ступает на зыбкую почву: ему приходится иметь дело с такими трудно воспроизводимыми и определяемыми категориями, как «мистика», «биоэнергия», «экстрасенсорика» и прочие научно не доказанные явления, изучение которых упирается в технические сложности накопления и, что в академическом смысле куда более важно, воспроизводимости экспериментального материала. Однако признать этот факт, факт недостаточной изученности, а то и вовсе неизученности — гораздо честнее, чем утверждать, будто «все люди одинаковы». Такие утверждения в академическом мире прежде назывались ложью, а ныне лживо именуются «политической корректностью». Любой врач прекрасно осведомлён о том, что мозг кафра в среднем весит на 200 граммов меньше мозга европейца, а при назначении обезболивающих лекарств тому же кафру прописывается повышенная доза в связи с тем, что мышечная масса тела у негроидов в среднем на 15% — 20% превышает таковую у европеоида. Замалчивать эти научные факты столь же постыдно, сколь и придавать им исключительное значение, не изучив их детально, — чем с успехом занимаются всевозможные поклонники антинаучных «расовых» теорий.

Несомненно, лишь наука может дать ответы на все эти вопросы, и, каково бы ни было разочарование скоростью нахождения этих ответов, другого метода не существует. Конечно, для этого нужны гигантские объёмы полевых исследований и экспериментов, что требует целенаправленного интереса государств к затронутой проблематике. В условия разрушения устоев международного права, сложившегося хрупкого договорного консенсуса, достигнутого по итогам Второй мировой войны, стремительного сокращения числа субъектов этого международного права, поднимающего голову клерикализма и мракобесия, о таком развитии событий приходится только мечтать. Пока мечтать. Настоящий учёный — всегда оптимист, потому что в исторической перспективе наука всегда находила путь к умам и, что тоже далеко не маловажно, сердцам людей. Разум не может не победить, потому что именно разум является вершиной и целью эволюционного процесса, управляющего жизнью нашей Вселенной. А человечество неизбежно и неотвратимо стремится к Познанию. Поэтому принципы научного подхода, научного мировоззрения, принципы Модерна и Прогресса нельзя позволять подвергать размыванию глупыми рассказами об «изобретениях» каких угодно религий.

Закончить моё эссе я хочу ещё одной цитатой из уже известного Бьюкенена. Вот она:

«Терпимость относится лишь к людям, но никогда — к истине или к принципам. Что касается последних, мы должны быть нетерпимы».

Видмар Зееланд

Авторизованная редакция Вадима Давыдова

Видмар Зееланд: Биографическая справка

Видмар фон Зееланд (Karl Erich Gottlieb Widmar Freiherr von Seeland — Карл Эрих Готтлиб Видмар барон фон Зееланд, Видмар Зееланд), род. 2 марта 1944 г. в [Тронхольме](#), Англия, в семье морского офицера.

Отец В., Отто Дитрих ф. З. (р. 1914 — †2006), происходит из саксонской династии ф. З., восходящей к славянскому (лужицкому) княжескому роду Озерских-Враницких (Wranitz — Вранич), германизированному в середине IX в. после принятия присяги имп. Св. Римской Империи Карлу Великому. С 1941 г. О. Д. ф. З. (посл. воинск. зв. обер-лейтенант цур зее, Oberleutnant zur See, Kriegsmarine — Кригсмарине), после тяж. ранения, получ. при уч. в [операции «Цербер»](#), служил в аппарате морского атташе Германии, выполняя специальные поручения главы [Абвера](#) (Abwehr) адм. [В. Ф. Канариса](#), подчиняясь непосредственно ему.

Отто Дитрих фон Зееланд, 1941 г.

В это время молодой офицер, нагр. за храбрость [Железным крестом](#), попадает под влияние своего форм. начальника Г. Ф. Дуквица ([G. F. Duckwitz](#)), убежд. антинациста. В середине 1943 г. О. Д. ф. З. знакомится с Луизой Райнерт (1919 — 2003), в то время актрисой [Датского королевского театра](#). В конце 1943 г. О. Д. ф. З., исходя из собственных взглядов и заручившись секр. расп. Канариса, активно участвовал в [спасении датских евреев](#) от депортации и уничтожения. В июле 1944 г., находясь в сл. командировке в Стокгольме, принял решение не возвращаться в Копенгаген в связи с репрессиями против участников [заговора Штауффенберга](#), в котором выполнял ряд секр. поручений адм. Канариса. В 1946 г. О. Д. ф. З. воссоединился с Л. Райнерт, к тому времени перебравшейся вместе с родителями в Великобританию. С 1947 г. О. Д. ф. З. — судовладелец, судопромышленник и общ. деятель, акт. сторонник сионизма и участник многочисленных кампаний в поддержку Израиля в Великобритании, Швеции и Германии.

Мать В., модель, актриса, в посл. кино- и театральный деятель, критик, преподаватель театр. иск-ва Луиза (Райнерт) ф. З., (тв. псевдоним Элли Силорд — Elly Sealord), член Королевского общества, проф. драм. иск-ва в Университете искусств (Лондон), Коллеж Насьональ (Париж), Королевском университете (Стокгольм) и др.

Луиза Райнерт, 1944 г.

В. З. в 1966 г. окончил Оксфордский ун-т по сп. [«Антропология»](#). В 1968 г. защитил первую степень д. ф. («Влияние [египетской цивилизации](#) на философские воззрения Платона»). В дальнейшем защитил степени д. ф. в обл. антропологии, лингвистики вост. (семито-хамитских) яз., крито-микенской цивилизации, культуре Винча и др. Автор десятков статей и монографий. Владеет 10 языками. Преподавал в Стокгольме, Копенгагене, Канберре, Иерусалиме, Нью-Йорке. Участник [войны Судного дня](#) (Израиль, 1973 г.) В 2010 г. после выхода на пенсию переехал в Коста-Рику. В нас. время ведёт курс античной и русской литературы в [университете Сан-Хосе](#), активно участвует в жизни русской и еврейской общин Коста-Рики. Член Маккабианского спорт. общества, [Ротари-клуба](#). Страстный поклонник гольфа и горно-велосипедного спорта.

Видмар Зееланд, Иерусалим, 1972 г.

Мы попросили автора ответить на несколько вопросов, поскольку информация о себе, любезно предоставленная г-ном Зееландом, неизмеримо разожгла наше любопытство. Г-н Зееланд дал небольшое интервью редактору Отдела прозы и публицистики Альманаха «LitCetera» *Вадиму Давыдову*.

— **Г-н Зееланд, позвольте сначала нескромный вопрос: как Вы узнали о существовании нашего Альманаха?**

— Очень просто. Мир, как известно, довольно тесен, и я, будучи на коротке контакты со многими моими уважаемыми согражданами — костариканцами, выходцами из России, узнал сначала о Вашем блоге (*мой «Живой Журнал»*. — *В. Д.*), а уже оттуда — об альманахе.

— **Вы прислали нам статью, или, лучше сказать, эссе, написанное по-русски. С чем это связано?**

— У этого довольно много причин, мне затруднительно назвать какую-либо одну, единственную. Безусловно, важную роль играет моя академическая деятельность в университете Сан-Хосе, где я веду курс античной и русской литературы, и нет лучшего способа совершенствоваться в языке, чем связно формулировать свои мысли на бумаге, или, вернее, как мы все теперь это делаем, на метафоре бумажного листа — экране компьютера. Я отдаю себе отчёт в известной старомодности моего русского стиля, и надеюсь, Ваши читатели извинят мне его. Мой русский язык формировался в далёком детстве, под благодатным влиянием моей бабушки. Прожившая долгую и весьма насыщенную событиями жизнь, она родилась в Петербурге, в зажиточной, глубоко эмансипированной еврейской семье, окончила классическую гимназию и в 1913 году вышла замуж за богатого еврейского коммерсанта из Дании, и спустя год покинула Россию — как оказалось, навсегда. И моя мать, и я — мне бабушка уделяла едва ли не всё своё время — воспитывались в атмосфере высочайшего пиетета, если не сказать — благоговения перед русской культурой, иногда казавшейся мне диковинным эфемерным цветком на заснеженном склоне суровой русской действительности. Это уважение и благоговение является важным элементом моего мировоззрения, пусть я и отношу себя к гражданам мира, космополитам в лучшем смысле этого слова, всю жизнь постигающих человеческую культуру во всём многообразии её форм. Другая, не менее важная, причина — то, что тема, которой я касаюсь в своём эссе, для России сегодня не менее, если не более важна, чем для всего остального Запада. Я говорю «всего остального», подразумевая неоспоримый факт принадлежности России именно и прежде всего к Западной цивилизации, кто и как бы не стремился внушить русским иные мысли.

— **Почему Вы остановили свой выбор именно на «LitCetera», а не на каком-нибудь более известном ресурсе?**

— Мне кажется, время для размеренного научного разговора на затронутую тему пока не пришло, поэтому я выбрал такой неакадемический жанр, как эссе, и такую неакадемическую трибуну, как ваш альманах, — полагаю, Вы не обидитесь за эту очевидную констатацию, — в надежде, что буду услышан в первую очередь неакадемической публикой. Мне хотелось попробовать себя в новом качестве — не исследователя, а публициста, что для меня, кабинетного типа, стало бы своеобразным вызовом. На роль популяризатора науки я вряд ли гожусь, но мне показалось — игра стоит свеч. А тема, затронутая моим эссе, весьма «горяча», и мне, как человеку, не понаслышке знакомому с академическими традициями, хорошо известно, как осторожны и даже трусливы редакции, как сейчас говорят, «раскрученных» изданий. Ваша же смелость — а ведь вы находитесь на Западе, поражённом вирусом т. н. «политкорректности» — внушает мне глубокое уважение.

— **Как вышло, что Вы стали участником Войны Судного дня?**

— Я в то время изучал материалы Кумранских экспедиций, к которым уже был открыт более или менее общий доступ, и преподавал в Иерусалимском университете. Учитывая историю моей семьи и воспитание, я не мог оставаться в стороне от происходящего, поскольку экзистенциальная ценность Израиля для меня лично — абсолютный императив. Собственно, поэтому не было ни малейших сомнений или страха. Страх был потом. К сожалению, посттравматический шок для рефлексирующего интеллектуала — неизбежная плата за

способность и умение думать. К счастью, я с ним достаточно успешно справился — мне, безусловно, очень помогли мои антропологические знания.

— **Вы — антрополог, исследователь цивилизаций. Ислам входит в круг Ваших научных интересов?**

— Я начну отвечать издалека. Антропология, как всякая область гуманитарного знания, не допускает узкой специализации, свойственной на современном этапе наукам естественным, или инженерным знаниям. Нельзя быть антропологом, не будучи историком, этологом, психологом, экономистом. Я действительно никогда не специализировался на исламе, находившемся всегда на периферии моих научных интересов. Скажу больше — ислам, как воплощение вторичности, искажения и эпитонства, меня, как исследователя, всегда стремившегося, по образному выражению Пастернака «дойти до самой сути», интересовал неизмеримо меньше античности или даже христианских культур Востока. К сожалению, за время моей довольно длинной и весьма насыщенной научной карьеры многое изменилось в научном подходе к изучению культур, и изменилось отнюдь не в лучшую сторону. Силу и вес набрали, с позволения сказать, «школы», запустившие маховик исторического ревизионизма, в частности, наряду с ревизией итогов Второй Мировой — и ревизии роли ислама в деградации Востока, превращения его, собственно, в периферию Запада. Этот апологетический ревизионизм, манифестация джихада, превратились в академический мейнстрим. Голос разума, если и раздаётся, то, к сожалению, не с академической площадки, то есть не оттуда, откуда должен, по идее, раздаваться. Вообще, современная концепция «арабов» не выдерживает никакой критики с точки зрения, прежде всего, антропологии. Но это отдельная, большая тема, к которой мы, возможно, ещё вернёмся для более пристального и детального рассмотрения. Возвращаясь к Вашему вопросу: я не рассчитываю на всеобъемлющий резонанс и даже, больше того, не желаю его сейчас, в тот момент, когда мои коллеги из академических кругов не готовы к обстоятельному учёному разговору. В то же время я не люблю и не умею, как прежде в советской России говорили, писать «в стол», ибо нет ничего унизительнее.

— Благодарю Вас, г-н Зееланд, за Вашу откровенность, и с удовольствием представляю нашим читателям Ваше эссе *«Эра Водолея»*, которое мы публикуем в разделе *«Закат Европы»*.